

ОЛЕГ РЯБОВ

ДВОЕ

РАССКАЗ

1

Не бывает такого: чтобы везло, везло и везло, чтобы всю жизнь просто так везло: наверняка, если так и бывает, то подобное везение большим трудом заработано. А бывает, что и учился — старался, и работал — старался, а всё не везет, и когда повезёт — непонятно; а может, и не повезёт никогда!

Анне с Антоном показалось и потом ещё какое-то время мерещилось, что повезло им один раз в жизни — в тот день, когда они познакомились, а случилось это ещё на первом курсе института; и вот как взялись за руки, так и пошли они вместе вдвоём. А держаться за руки и идти рядом вместе — такое счастье! Не удивило это никого попервоначалу — уж очень похожи они были друг на друга. Оба не наши, в смысле, не местные: Антон — из Павлово, Аня — из Муром, медалисты золотые и тот, и другая, и такие правильные оба, что просто тошнит. И не больно красивые, но открытые, улыбчивые, готовые идти навстречу. Друзья-однокашники по институту и соседи по общежитию, где они проживали, пока учились, даже не обсуждали их вариант: воспринимался он всеми как феномен любви и случайной удачи. Только как в бане или в песочнице, студенческое братство и равноправие

РЯБОВ Олег Алексеевич родился в 1948 году в городе Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт. В научно-исследовательском радиофизическом институте занимался проблемами внеземных цивилизаций. С 1968 года стал печататься в журналах "Наш современник", "Нева", "Север", "Молодая гвардия" и др. Поэт, публицист, прозаик. Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России. Главный редактор журнала "Нижний Новгород", директор издательства "Книги". Живёт и работает в Нижнем Новгороде.

существуют лишь до поры до времени, а именно до окончания института, а дальше — у кого как получится.

Учились ребята в одном институте — строительном, но на разных факультетах: Аня — на юридическом, а Антон — на архитектурном. Судьба сводила их и сталкивала в буквальном смысле почти каждый день то в коридоре между лекциями, то в читальном зале библиотеки, а то так прямо в фойе кинотеатра, куда опять-таки неведомый случай их вроде как забрасывал на один и тот же сеанс. Так что без судьбы тут тоже не обошлось.

А неявным образом ещё один факт из их биографий нечаянно сближал ребят, хотя про то и немногие знали: из неполных семей они были, без отцов росли. У Ани папа служил офицером и погиб, когда ей было десять лет; сослуживцы у вдове позаботились, устроили на непрыльную, но не больно-то и денежную работу в воинскую часть, да и за девочкой постоянно присматривали.

Антон вообще своего отца не знал, а мама его, женщина самостоятельная и властная, в секрет происхождения мальчика не посвящала. Хотя бизнес свой небольшой у неё имелся в виде единственной во всём городке нотариальной конторы, которую кто-то внимательно патронировал, поддерживая заказами со стороны городской администрации райцентра.

Анюта маленького роста и вся сама такая миниатюрная, что хотелось её сравнить с куклой, хотя живости и энергии в ней — дай бог каждому, а фантазии из её головы просто фонтанировали. Антон же был рослым и даже худым, на его правильном лице почти всегда висела застывшая маска скептика, и в задумчивых его сентенциях по любому поводу часто звучала скрытая ирония. Если они шли в обнимку по улице, то их фигуры просто сливались: Антон так плотно прижимал свою Анюту к себе, обнимая её за талию, что пальцем правой руки мог поглаживать её пунок, а кончики пальцев левой целовать при этом. “Это же неприлично и нехорошо!” — заметил как-то раз кто-то из общих их друзей. “А мне — очень хорошо!” — парировала замечание Анюта, и, улыбаясь, друзья шли дальше.

Да, только вот не одобрили выбор детушек своих мамы ихние, когда на последнем курсе сообщили те о своём святом намерении пожениться. Если родительницы и знали о существовании их взаимной такой глубокой симпатии, то уж никак не планировали брака, — видимо, свои какие-то планы просчитывали, а может, считали, что остепениться сначала надо, обустроиться. Никто не понимал, что же не устроило или смутило их в выборе молодых: может, разочарование в своём семейном опыте. А ребята сочли, что, когда всё случится, никуда их мамы не денутся. А вот и делись, и не одобрили!

А потому после объявленного и вскоре ожидаемого, такого ответственного мероприятия, как свадьба, финансовая поддержка из дома, пусть и раньше незначительная, прекратилась полностью. Да, только оперились уже молодые: и силу, и уверенность свою почувствовали. Делать нечего, и родители подарили Анечке старенькую “Ниву”, почти не пользованную, на которой её папа при жизни только несколько раз съездил с друзьями на рыбалку да на охоту; этот старый вездеход передвигался пока ещё самостоятельно. А права водительские у ребят уже имелись.

Видя такое, и на Антона матушка-нотариус переписала однокомнатную квартиру в каком-то дальнем райцентре, непонятным образом у неё образовавшуюся (случается такое у нотариусов!), — не пропадать же добру.

А тут, сразу после свадьбы, которую отгуляли, как положено, по-студенчески в общежитии, снова просто подфартило: профессор Измайлов, который курировал в течение трёх лет курсовые работы Антона по специальности, а сейчас руководил его дипломным проектом, срочно уезжал на год работать по контракту в Швецию. Уезжал он с супругой Надеждой Владимировной. Родственников близких у них в городе не оставалось; дочь единственная жила с мужем своим и внуками в Москве, очень редко навещая родителей. А потому и попросил профессор молодых ребят поквартировать это время у него. Квартира четырёхкомнатная, “сталинская”, стометровая, с высокими потолками в центре города — о таком варианте можно только мечтать.

Иван Иванович Измайлов был настоящим профессором, и папа его был профессором, а книги и учебники их известны во всём мире, по ним работали и учились. Супруга его, наоборот, нарочито преподносила себя как баба деревенская: и говорила она, сильно окая, и на мужа покрикивала, хотя с посторонними была предупредительно-изысканно-улыбчивой. Каждый день ходила она за продуктами на Мытный рынок в длинной серой юбке, какой-то страшной вязаной кофте, с большой клеёнчатой сумкой. С этой же базарной клеёнчатой сумкой она и в гости на юбилей к другим профессорам ходила. А вот с подругами-профессоршами на премьеру в театр или на концерт она уже одевалась по-модному, в крепдешины да в панбархат, и вела себя хоть и тихо, но покровительственно. И дома у неё всегда порядок и чисто.

Уезжая, профессор шепнул Антону на ухо, что, скорее всего, контракт его будет пролонгирован, и тогда командировка его продлится не год, а три. Просто он не хочет до поры до времени смущать руководство вуза. А ещё пообещал он Антону как подающему большие надежды будущему дизайнеру и архитектору посодействовать в заключении договора с каким-нибудь вполне определённым солидным шведским архитектурным бюро, чтобы он мог подработать как фрилансер.

Профессор был уверен в добропорядочности Антона и Ани, а потому решил все документы и ценные вещи упаковать и, аккуратно сложив, запечатать в одной из комнат, предоставив новой семье остальные три с мебелью, посудой и шикарной профессорской библиотекой. Антон со своими институтскими друзьями за пару часов совершили все необходимые мебельные перестановки.

Хотя ключ от запертой четвёртой комнаты профессор, в конце концов, всё равно оставил ребятам.

Так начиналась взрослая семейная жизнь Ани и Антона. Профессор уехал сразу после защиты Антоном диплома. Работать Антона пока что оставили при кафедре как лучшего выпускника потока, а Аня вскоре устроилась юристом-консультантом в риэлторскую контору, хозяином которой был их общий друг. Друзей у них тогда водилось много.

Квартира профессора Измайлова после его отъезда превратилась тут же в клуб, где встречались бывшие однокашники, товарищи по студенческой скамье, а также теперь уже и товарищи товарищей. Раз в неделю, а то так когда и чаще — три-четыре бутылки сухого красного чилийского вина, сыр, чай, поджаренные гренки. Сидели на полу в прихожей с чашками и рюмками, курили, мечтали, делились, советовались, читали стихи, обсуждали прочитанные книги, спектакли, кинофильмы, концерты. Ложились поздно.

А просыпаясь, Антон всегда говорил шёпотом, целуя Анюту в губы:

— Я люблю тебя, Нью!

— И я тебя люблю, Тоха! — отвечала Анюта на поцелуй.

2

И Антон, и Аня ребятами были грамотными и сообразительными, да и строительная академия, которую они с успехом окончили, — заведение специфическое в плане развития художественного вкуса, а потому они прекрасно знали, чем отличается барокко от рококо, а павловский ампир от немецкого бидермейера. И теперь, купаясь в художественной атмосфере профессорской квартиры, они могли не просто оценить материальный мир, ежедневно окружавший их учителя, но и разглядеть функциональный запрос каждой комнаты, на который сумел со вкусом и знанием дела ответить хозяин в течение жизни.

Планировка квартиры оказалась непривычно-рациональная. Из довольно просторной, метров на двадцать, квадратной прихожей, выложенной изрядно вытертым, скрипучим, но всё же надёжным дубовым паркетом, с вешалкой, допотопным диваном с валиками и стандартным, немножко подрастросленным пианино Petroff, налево вела дверь в узенький коридорчик с подсобками: туалетом, ванной, кладовкой и, наконец, кухней с большим окном.

Направо из прихожей располагалась дверь в спальню, которая теперь оставалась заперта. Рядом вход в комнату, которая при различных обстоятельствах могла служить либо гостевой, либо переговорной; в ней стояли и диван, и два кресла, и горка с фарфоровыми мейсенскими статуэтками (видимо, недолгое и уже позабытое хобби хозяев), и небольшой, сложенный вдвое ломберный стол у окна средних размеров, уставленный бронзовыми безделушками, среди которых выделялись небольшие каминные часики с фривольной галантной сценкой — то, что называется французская кабинетная бронза. Лежал на том ломберном столике неиспользуемый теперь, зачехленный ноутбук и нераспечатанная пачка писчей бумаги, а целая пригоршня разноцветных карандашей разной степени отточности торчала из обычной старинной сгупки с ушами — такими пользовались наши бабушки на кухне в каких-то своих, давно теперь уже позабытых кулинарных махинациях. На стенах висели несколько небольших старинных гравюр разных эпох и стилей в простеньких рамках; приглядевшись, среди них можно было обнаружить работы и Ивана Шишкина, и Жака Калло. А уж “Петрушка” Михаила Шемякина с дарственным автографом от мастера хозяину квартиры держал не просто стену, а всю комнату.

Но ребята и эту комнату заперли на ключ — на всякий случай, от греха подальше: всё же в гости приходят изредка и малознакомые люди. А если что-то пропадёт или сломается... Думай потом!

Гостиную или столовую — непонятно, как правильно её назвать, — заполняла массивная дубовая мебель: по центру стоял обеденный стол на фигурных резных ногах, вокруг которого стояли шесть тяжёлых стульев, которые можно было даже назвать полукреслами, уже изрядно расшатанных, с бронзовыми накладками в виде грифонов на подлокотниках и на спинках. Стол раздвижной, и при желании за него без стеснения можно усадить и шестнадцать человек. Буфет и посудная горка облицованы ореховым шпоном с редкой фактурой “пламя”. На двух стенах, напротив друг друга, висели две мрачные большие картины в тяжёлых золочёных багетных рамках: на одной — морской пейзаж с терпящим бедствие кораблём, работа какого-то француза Renault, а на другой — сценка охоты на медведя, подписанная неким Discornun.

Это спустя уже какое-то время мои молодые герои выяснили у опытных московских антикваров, что приписывать авторство подобных работ каким-то конкретным мастерам невозможно, потому что подписывались таким образом в начале двадцатого века копии и подделки, изготавливаемые в специализированных артелях Питера и Москвы, работавших по заказу над оформлением общественных зданий и помещений. Так, для ресторана в “Клубе охотников” могли в такой мастерской исполнить полтора или два десятка картин с охотничьими сюжетами, а известен случай, когда для оформления одного из дворцов Юсупова было заказано сразу более двухсот работ, которые во дворце и развесили. Это уже потом хозяева, князя сиятельные, их просто выбросили и заменили настоящими мировыми шедеврами. А заказы так и делались: “Весна” размером полтора метра на полметра вертикальная, а “Морской пейзаж с закатом” метр на два с половиной, вертикальный. Могли и просто заказать два простенка: озеро с берёзками и речку с ёлками.

Диваны, обитые протёртым кожзаменителем, казались под стать всей остальной мебели — неповоротливыми, неподъёмными, но уютными, на них хотелось жить. И всё же основным элементом в любой правильно обставленной комнате становятся часы, и это неудивительно — они живые, и они напоминают о себе регулярно и своим тиканьем, и своими курантами. В столовой, напротив входной двери, висели шикарные часы “Moser” с двойным эмалевым циферблатом и открытым анкерным колесом в полированном корпусе из берёзового капа. Этот открытый и размеренный ход анкерного колеса гипнотизировал и подсказывал, откуда берутся истоки рождения современных швейцарских часов-скелетонов фирмы Hamilton.

Надо сказать, что живые ходячие часы не только создают атмосферу одухотворённости жилому помещению, но и благотворно действуют на нервную систему человека своим почти неслышимым, почти неразличимым равномерным

тиканьем. Вот в квартире у профессора часы висели, стояли, ходили и тикали почти во всех комнатах: в гостевой — каминные, в столовой — настенные, а в кабинете, куда можно было пройти и из столовой, и из гостевой, в углу стояли напольные высокие английские, с четвертным боем на восьми колокольчиках, фирмы “Norton”. Правда, эти английские с некоторых пор не ходили — надо было почистить да пустить на ход. Говорят, такие же стояли когда-то в кабинете у Джорджа Вашингтона и тоже не ходили. На кухне висели обычные гиревые ходики с бегающими из стороны в сторону кошачьими глазками, а в прихожей — дешёвые пластмассовые, на батарейках, но и они тоже тикали.

Такая обыденная и в чем-то практичная эклектика как бы подчёркивала жизненную естественность квартирного пространства в отличие от задуманной искусственности музея и гостиничной стерильности и холодности пятизвёздочного отеля. Мимоходом хотелось отметить ещё одну особенность квартиры профессора, связанную с тем, что и он, и его супруга-профессорша курили: многочисленные пепельницы совершенно различных форм и конфигураций стояли во всех помещениях и на всех подоконниках и не в единичных экземплярах.

Чтобы закончить с квартирой профессора, в которой предстояло прожить некоторое время Анечке с Антоном, надо ещё пройти из столовой в рабочий кабинет хозяина, который для удобства имел и вторую дверь, в гостевую комнату.

Кабинет нет надобности подробно описывать, потому что он до смешного, до карикатурности похож на все кабинеты старых профессоров: книжные застеклённые шкафы, огромный письменный стол, на котором перед отъездом пытались навести порядок, книги, папки с бумагами, рулоны ватманов с завершёнными проектами, наваленные на стеллажи, тубусы. Не случайно и не намеренно создавался этот рабочий беспорядок — просто отец профессора Измайлова был тоже архитектором и тоже профессором, и кабинет этот благодетелю моих молодых героев достался по наследству и достался совершенно справедливо.

3

Профессор уезжал в мае, никаких особых распоряжений и советов молодым своим друзьям не давал: да и зачем — во времена мобильной связи большинство оперативных вопросов можно решать по телефону или СМСкой. А что там советоваться — на то он, человек, и становится самостоятельным, чтобы самому что-то решать. Хотя именно в первых своих самостоятельных шагах и делаются первые свои самостоятельные ошибки.

Любое землячество, братство, дружеская компания должны регулярно подкрепляться волнующими радостями, победами, событиями, мероприятиями. Иначе эти образования, пусть даже искусственно, но не подпитываемые своими создателями и учредителями, становятся никому не нужными; а часто именно создатели-то эти и ухудшают нормальные взаимоотношения отдельных участников, загружая их ненужными обязанностями. Так и студенческие товарищества, за редким исключением, очень быстро распадаются, потому что ничто их больше не связывает, бывших однокашников, после окончания учёбы. Социальное положение и заботы, связанные с трудоустройством, и новые потребности в деловых связях лишь мешают, а часто и разрушают или по крайней мере нарушают, казалось, крепкие и надёжные дружеские контакты.

Очень, даже очень быстро быт Анюты и Антона стал меняться, хотя сначала профессорская квартира ненадолго заменила собой институтскую аудиторию, где чуть ли не каждый день возникали спонтанные сборища, обсуждались новости, планировались мероприятия. Но к осени студенческое братство моих героев на глазах почти рассыпалось. По крайней мере коллективные походы на выставки и в кино прекратились, как и последующие за такими мероприятиями обсуждения с анекдотами, шутками, бутылочкой сухого красного вина, сидя на полу уютной прихожей, стали редкостью.

Денег почему-то непонятным образом хватало. Антон за лето выполнил два небольших заказа для очень известной в городе архитектурной мастерской и получил по две тысячи долларов за каждый. Так и расплатились с ним долларами, потому что работа выполнялась, в конечном итоге, для какой-то итальянской фирмы. Пришлось пару месяцев посидеть ночами.

А ещё приехавшая в город столичная съёмочная группа с Первого канала, снимая какой-то очередной бесконечный детективный сериал, в поисках фактурной “профессорской квартиры” со старинной мебелью, картинами на стенах и с большой библиотекой наткнулась на ту, в которой проживали Аня с Антоном — кто-то навёл. Она по всем параметрам очень подходила для предполагаемых съёмок с ужасными и не правдоподобными убийствами и трупами в холодильниках.

Конечно, был сделан предварительный звонок в Швецию профессору за получением разрешения на такую акцию. Иван Иванович так растрогался щепетильностью своих молодых друзей, что разрешил им пользоваться квартирой по своему усмотрению, не раздумывая.

У миниатюрной, хрупкой, глазастой куколки Ани откуда-то прорезалась деловая жилка. Чудаки московские — режиссёр, оператор и художник сериала — попытались обаять её тем, что сниматься тут, в этой квартире, будут народные артисты Харбинский и Сухоногов, а те дадут Ане автографы и сфотографируются с ней. На что Аня жёстко киношникам ответила, что этот Харбинский может спокойно жить в квартире, где кого-то убивали, пусть и не взаправду, а она, Аня, жить спокойно не сможет в комнате, в которой на полу только что мелом был нарисован абрис мёртвого человека, — так и сказала: “Абрис”. “Это что же — я каждый день об него спотыкаться буду?” За три дня съёмки в профессорской квартире им заплатили тысячу долларов — значительная сумма, учитывая минимум волнений и забот.

Маленький, плешивый, косящий на один глаз и в общем-то довольно уже старый Аркадий Маркович являлся не то бутафором, не то художником: он суетился, шнырял по комнатам и всё время пытался попасть в запертую. Антон стал даже немножко волноваться: а не упрёт ли чего этот бутафор или помощник оператора. А оператор Володя оказался в противовес Аркадию Марковичу совсем молоденьким мальчиком, но очень серьёзным. То, как он покрывал на своего Аркадия Марковича, успокаивало и Антона, и Аню.

Режиссёр картины был серьёзен, задумчив, и Антон и Аня уже через день забыли, как его зовут. Артист Харбинский, игравший в фильме мудрого и хитрого следователя, присутствовал в квартире целый час: он отснялся в трёх дублях, как бы сделав одолжение, выпил с Аней чашку кофе в гостевой комнате и вручил ей визитные карточки — свою и дежурного администратора МХАТа со словами: “Звоните, он будет знать уже сегодня про ваше существование, и входные билеты на любой спектакль вам обеспечены”.

Артист Сухоногов присутствовал в квартире тоже час. Он пришёл серьёзный, задумчивый, потребовал стакан холодной воды, выпил два, а потом всё время шутил, колобродил и валял дурака. Он играл бандита и убийцу. Аня осталась от Сухоногова в восторге, она с ним также пила кофе, и Сухоногов так же, как и Харбинский, дал ей визитку, но со словами: “Перед тем, как ехать к нам в гости в Москву, позвоните мне — я всё устрою!”

Через месяц, в конце сентября Антон по рекомендации своего профессора действительно поехал в Москву на международную конференцию по экологии, на которой могли присутствовать будущие его заказчики и партнёры. И, хотя никаких партнёров Антон на пленарном заседании не увидел, а на секциях он даже не понял, кого надо искать, поездка оказалась интересной.

Аня, конечно же, увязалась за Антоном. Она не позвонила заранее артисту Сухоногову, а потому её звонок с Арбата, от ступенек театра Вахтангова великому и знаменитому артисту оказался бессмысленным: он находился далеко и на съёмках, и в данный момент ничем помочь не мог, а вот завтра... Завтра звоните, и всё будет! Но до завтра надо ждать, а ребята планировали обернуться за день, и билеты на поезд домой лежали уже в кармане.

Но вообще-то в хорошую погоду не только в лесу или на пляже хорошо — на Арbate тоже можно кое-что любопытное разглядеть, посмотреть

или просто прогуляться. Одно время особое раздолье здесь было для тех, кто не презирал старину, а, наоборот, понимал толк в скрытом очаровании антикварных предметов — магазинов этого направления и с соответствующим наполнением здесь было просто изобилие, на любой вкус.

Ребята почти сразу же после отъезда своего профессора стали задумываться о будущей отдельной квартире, понимали, что профессор вернётся очень быстро — и глазом моргнуть не успеешь. Вот именно — думали и мечтали они о квартире, а не о детишках, потому как к этому вопросу они относились без особых сомнений, как и большинство молодых: уж как получится, так и получится. А квартиру хотелось обустроить со вкусом.

Очень часто, лёжа в постели, обнимая друг друга в темноте, они шептали не нежные слова друг другу, а рассуждали о чём-то совсем не постельном: в каком районе они снимут квартиру, как будут делать ремонт, сколько им потребуется комнат для полного счастья. И главное — как они будут её обставлять!

Понятно, что будет кабинет с двумя письменными рабочими столами, настольные лампы с плафонами из многослойного травлёного цветного стекла в стиле ар-нуво работы Галле или же Даума из Нанси, хотя и ранний Тиффани тоже не дурствен, а можно и одну винтажную, сталинскую, с зелёным плафоном, смеха ради. Источников света должно быть много.

Столы, конечно, всегда будут завалены рабочими бумагами и безделушками из крашеной венской бронзы. Вдоль обеих стен будут построены стеллажи для книг до самого потолка, а ещё особый застеклённый книжный шкаф из массива розового дуба для особо красивых старинных книг в цельнокожаных марокеновых переплётках и прижизненных изданий русских классиков. Один стеллаж будет заставлен литературными, историческими и фило-софскими памятниками всех времён и народов, а другой — для справочной и специальной научной литературы.

Так шёпотом они делились друг с другом, как станут развешивать гравюры, картины, старинные карты, бра. Анюте хотелось поставить в спальную комнату гарнитур из белого тополя, того, что с чёрными точечками: низенькие комодики и два кресла. Антон соглашался и, со своей стороны, предлагал поставить в столовой две горки, в которых можно было бы выставить в одной — русские фарфоровые статуэтки Гарднера и Попова, а в другой — красивое коллекционное русское серебро.

И вот теперь, очутившись в беззаботном состоянии волей случая на Арбате, в знаменитых антикварных салонах, они могли разглядеть, полюбоваться и даже потрогать те удивительные и изящные предметы, о которых раньше только мечтали и разглядывали на картинках в аукционных каталогах.

Через неделю, в субботу они снова мчались на скоростном “Сапсане” в Москву, на Арбат, чтобы только погулять по антикварным лавочкам, реставрационным мастерским, мебельным салонам и букинистическим магазинам. На этот раз у них был свой заранее разработанный маршрут.

Они подготовились. Они даже захватили с собой кое-какие деньги, решив совершить первые милые сердцу покупки: две гарднеровские чайные чашечки с ангельскими детскими головками, две серебряные чайные ложечки работы Немирова-Колодкина и голубой французский заварной чайник лиможского фарфора. “Каждому же хочется в богатстве пожить!” — улыбаясь, повторяли они друг другу.

4

Всё произошло значительно быстрее и печальнее: у профессора случился инсульт, там, в Швеции. Соня, дочка Ивана Ивановича, оказалась не просто дамой со связями, но и супругой высокопоставленного дипломата, для которого труда не стоило каким-то частным образом и очень оперативно перевезти профессора домой. Он с трудом, но передвигался, опираясь на стул и на стенку, и хотя и неразборчиво, но пытался что-то говорить. В день переезда, уже дома, случился второй удар. Профессора отправили в больницу. Спасти не смогли — он ушёл через три дня.

Соня маму свою ни во что не ставила и за человека как бы и не считала. Кроме того, была она дамой не только деловой и решительной, но и без разбора хамоватой:

— Вы бы, ребята, сматывались отсюда, да побыстрее, — заявила она Анне и Антону прямо в день смерти, — подберите себе что-нибудь недорогое, проблем сейчас в этом никаких нет, и чтобы я вас здесь больше не видела. Ректору вашему я позвонила, велела ему сюда подъехать — всё же у него профессор умер, а не дворник какой-то там, ритуальная служба тоже скоро будет. На вынос — милости прошу, на поминки — тоже, а так — прощайте навсегда.

Квартиру сняли двухкомнатную с мебелью и недорого, в Нагорном микрорайоне. Панельная пятиэтажка — эдакий советский “гарлем” с двором, заросшим американскими клёнами, мусорными баками и с заасфальтированной площадкой, стоянкой для автомашин. Анюта приспособилась ездить на работу на трамвае, Антон в институт на семинары раз в неделю добирался на старенькой Анютиной “Ниве”. Но и это положение продлилось у ребят недолго.

Ежегодный конкурсный грант, то есть та государственная финансовая поддержка, которую получал институт в течение последних лет и за счёт которого существовал Антон, выиграть больше не смогли и денег не получили. Значит, и тут всё держалось на авторитете профессора Измайлова. Контракт с Антоном не продлили, и бедолага с Нового года оказался свободен. С ним встретился сам ректор института Найдёнов: сожалел, обещал помочь, разобраться, взял у Антона телефон, обещая позвонить в ближайшее время.

Но звонка не последовало ни в ближайшее время, ни в дальнейшем, а Антон сам звонить ректору не посмел — не по рангу ему такие звонки делать.

Это очень сложное, напряжённое и труднопереносимое состояние для человека, привыкшего относиться к своей работе ответственно и старательно, — оказаться незаметно выкинутым за борт привычной жизни. Антон звонил, встречался и общался с друзьями, зарегистрировался в центре занятости, где у него потребовали собрать кучу глупых справок и бумаг, что он всё же сделал как человек пунктуальный, а также рассылал свои резюме через интернет ежедневно и уже во все концы страны. Пусто! А то, что предлагалось, казалось ему просто недостойным или даже оскорбительным.

Понемногу одолевал стыд: ежедневно вставать, умываться, бриться, надевать свежую белую рубашку, галстук и выходить из дома, кисло улыбаясь Анюте и получая от неё вместо сладкого поцелуя ободряющую и такую же неуверенную улыбку. Бродить бесцельно по городу, а всю вторую половину дня лежать на диване, дожидаясь Анюты, и читать мудрёные книги, которые он привык теперь покупать через Alib: Джареда Даймонда “Ружья, микробы и сталь”, Хенсона “Триумф семян”, Сэма Кина “Исчезающая ложка” и прочую модную заумь.

Месяц, два, три. Это ужасное состояние! Денег, которые получала Анюта, не хватало катастрофически. Просить помощи у мамы — даже в голову Антону такое не приходило. Попытался продать квартиру, которая была у него теперь в собственности в далёком и чужом райцентре, неожиданный свадебный подарок от мамы, — оказалось, что она и даром никому не нужна.

Наступила весна: сначала с лужами, потом с солнышком, а потом уже и зазеленело. Мужчина лет под пятьдесят, коренастый, краснолицый, почему-то весёлый или просто улыбчивый, взял Антона под локоть неожиданно на автобусной остановке:

— Скажите, вы Антон?

— Да, — ответил Антон, кивнув головой, — а мы знакомы?

— Знакомы, знакомы, я — Саша. Мы с вами напротив друг друга сидели за одним столом на поминках профессора Измайлова. Мне тогда про вас ещё рассказывал ректор наш, да и ваш тоже, профессор Найдёнов, а недавно я от него узнал, что вы ищете работу. Правильно это?

— В общем-то, да! — ответил Антон, он вспомнил действительно этого Сашу. С ним они выпивали водку на поминках профессора, кивая друг другу через стол и не чокаясь.

— Хотите дорогу строить? Объездную федеральную трассу, сорок восемь километров, с тремя развязками-эстакадами, проект на три года, денег там — миллиарды. Интересно? Вот моя визитка, надумаете — звоните, приходите, договоримся.

— Какую дорогу, чего-то я не понял? И в качестве кого вы меня приглашаете?

— Антон, вы человек умный, работать хотите, а для умного человека мы работу всегда найдём. Меня Саша Соловьёв зовут, я начальник СМУ № 17 Мосдорстроя — звоните. Что-то я не понимаю — я удивил вас? Так вы строительный заканчивали? Значит — строить будем. Через год у тебя и квартира, и машина будут — там такие деньги!

У влюблённых есть свои особые ласковые имена, которые часто не известны посторонним. Вечером, лёжа в постели и обнимая свою любимую Анюту, он шептал:

— Нью, у тебя вот тут, на внутренней стороне бедра, кожа горячая и шёлковая, а на плече — прохладная и бархатная. А должно быть наоборот.

— Почему должно быть наоборот? Что тебе не нравится?

— Мне всё нравится. Только наоборот, это значит, что шёлк должен быть прохладным, а бархат — тёплым. И от шеи твоей должно пахнуть молоком, а у тебя какой-то французский парфюм.

— А вот у тебя, Тоха, шея должна пахнуть маленьким пушистым зверьком, а у тебя... А, ты и пахнешь маленьким пушистым зверьком! А ты ему веришь?

— Кому? Саше Соловьёву?

— Да.

— Верю.

5

Работа оказалась неинтересная. Хотя так говорить, возможно, и неправильно: любая работа интересна для исполнителя, если он любит работать и понимает эту работу. Но вот Антон как раз и не мог никак полюбить свою новую работу, не видя никакой красоты ни в процессе, ни в результате. Работать ради денег, ради куска хлеба? Было в этом для Антона просто что-то оскорбительное. Даже находясь в этой своей, как ему пока что казалось, временной финансовой яме, он не хотел сознаваться, что работает ради денег.

Изучив в течение месяца всю документацию, вспомнив СНИПы и ГОС-Ты, получив в своё полное распоряжение вполне ещё приличную “Ладу Калину”, Антон приступил к исполнению своих прямых обязанностей инженера по технологическому надзору. Он теперь отвечал за качество строительства дороги и соблюдение правил земляных работ. Ежедневно он наматывал по сто пятьдесят, двести, а случалось, и триста километров: объекты располагались в трёх районах области. Вставать иной раз приходилось в пять утра, а дома появлялся часто в девять, выжатый, как тряпка. Или лучше — как верёвка! Он, приходя с работы, не мог и парой вразумительных слов перемолвиться со своей Анютой.

И всё же это физическое состояние его было куда лучше, чем то, в котором он находился в последние месяцы, мотаясь по городу без работы и находясь на грани сумасшествия. Антон это чётко сознавал, хотя и не делился ни с кем, а потому работу свою выполнял педантично и чётко. Он получал задание, обследовал, докладывал, и его решения оказывались окончательными, от их содержания часто зависела судьба и объекта, и людей.

Уже в конце осени, проработав почти полгода, понял Антон, какую ответственность он тащит на себе. А точнее, ему дали это понять: за подписание невразумительного акта, связанного с выполнением каких-то земляных работ, пока что невыполненных, ему предложили полмиллиона рублей! А потом и миллион. Антон отказался, не вдаваясь в подробности, что это за акт и что за работы не выполнены или когда они будут выполнены! Он просто сначала удивился, а потом искренне возмущился.

Вечером за чашкой вечернего чая, сидя на своей тесной кухоньке, Антон пересказывал сложившуюся ситуацию Аниоте в лицах.

— Значит, тебя скоро снова уволят, и снова без перспектив, и даже наоборот — как работника непокладистого! Правильно? — заключила Аниота.

— Я люблю тебя, Нью, — ответил Антон.

— Я тебя тоже люблю, Тоха, только толку от нашей любви мало.

— В смысле?

— А в том смысле, что я и неделю назад, и вчера, и сегодня у врачей была. Не будет у нас с тобой детишек никогда. Тётка, врач-гинеколог, сволочь такая, так и сказала: мальчики детишек не рожают. Это пошутила она так.

— Почему?

— Детская матка у меня.

— Ну и что? Я знаю, что такое детская матка, разовьётся она у тебя через год или через два — надо только её развивать. И потом — есть ЭКО, и медицина сейчас такими темпами продвигается вперед; как никакая другая наука в мире. Всё у нас будет. Даже не заморачивайся, моя нежная Нью. Пойдём спать. Я тебя люблю.

— Я тебя тоже люблю, Тоха. Только у меня какая-то двурогая матка, а это очень сложно и плохо.

— Нью, если я тебя люблю, то у нас всё будет и всё получится.

Разговор с Сашей Соловьёвым происходил на следующий день прямо в поле, где тот и поймал Антона. Соловьёв снова улыбался по-идиотски и беспричинно, словно только что услышал весёлый и неприличный анекдот:

— Ну что? Не получилось ничего у нас с тобой, не просчитал я почему-то такой банальный вариант. Расстаёмся! Зайдёшь в городе ко мне в офис, напишешь заявление, а я тебе выпишу премию в размере тройного оклада: всё же Новый год на носу. И вот что ещё: глава администрации этого района, где мы сейчас колупаемся, просил тебя к нему заглянуть. Я с ним сегодня, ну, вот только что разговаривал. Запиши его прямой телефон, он ждёт твоего звонка завтра. Зовут его Александр Иванович Тютюхин.

Антон не стал ждать до завтра — он позвонил сразу и сразу же договорился о встрече. Одна только мысль — остаться вновь безработным, без средств к существованию — повергала его в панику: он прекрасно помнил и будет помнить всю оставшуюся жизнь состояние безнадежной беспомощности, в котором он плывал в течение нескольких месяцев надежды и поисков, состояние немой истерики.

От города до райцентра почти сто верст. Уже на следующий день с утра Антон сидел в кабинете этого круглолицего румяного сорокалетнего колобка Александра Ивановича. Бывший учитель истории, замеченный и выбранный народом, глава района сумел совместить в себе и открытую мудрость, и потаённую хитрость, свойственные осторожным жителям российской глубинки. Он начал почему-то без предисловий и без идиотских предложений чашки чая, — видимо, уже заранее был готов к тому, что Антон откажется от предложения:

— Антон, твоя принципиальность и юношеский максимализм насколько удивили меня, настолько и привлекли: мне Соловьёв всё рассказал. Я в том смысле, что как раз накануне я размышлял над тем, что хорошо бы иметь в помощниках такого принципиального и внимательного советчика, но в то же время он тогда должен быть человеком безответственным. В смысле — без лживой административной ответственности! Я имею в виду, что по должности он ни за что не должен отвечать ни материально, ни физически! Понимаешь, что я имею в виду? Ну, вот ты заметил в чём-то непорядок — идёшь ко мне и говоришь: Александр Иванович, обрати внимание. Если говорить о конкретном случае, о тебе в смысле, я хотел бы поручить тебе курировать все инженерно-технические службы и объекты в районе. Должностную инструкцию писать не будем, но хочу я от тебя ежедневно слышать доклады по состоянию дорог, мостов, всех инженерных сооружений, противопожарных водоёмов, водопроводов, электрических сетей и так далее. Газ не трогаем — у них там свои серьёзные службы и люди. Чувствую — работнички мои совсем разболтались. И ещё — от этой федеральной

трассы, которую сейчас строит Соловьёв, идёт аппендикс к нам в район. Он есть в проекте, ты его знаешь — надо будет проследить, чтобы они там не напортачили: щёбёнку хреновую привезут, подушку постараются потоньше сделать, а через год и не заметим, как весь асфальт расползётся. Надо проследить. Мне раз в неделю докладываешь — я принимаю меры. И никаких бумаг от тебя, никаких актов ревизии — всё устно, а уж я потом буду решать, что делать! В общем, нужен мне тут советчик и помощник! Должность для тебя придумаем, какую хочешь, — давай, ты будешь начальником инженерной инспекции района? Пару человек помощников тебе по штату дадим — ну, это мы ещё вместе с тобой подумаем. Супруге твоей я найду хорошее применение, мне Соловьёв сказал, что она сейчас чепухой какой-то занимается. Машина разбедная у тебя будет “Нива”, квартира служебная пока. Думай, но не долго. Надумаешь — будем о конкретике говорить.

6

Двухкомнатная квартира на первом этаже в двухэтажном щитковом доме постройки шестидесятых годов с центральным отоплением, большой кухней и участком под окнами в десять соток — это неплохо. Участок, начинавшийся прямо за домом под окнами, заросший польной и крапивой, густым вишняком и терновником, сваливался в овраг, который спускался к реке. Обе “Нивы” — и Анютина, и служебная Антона — стояли под окнами, как родные сёстры.

По ночам слышно было, как орут петухи, на улицах гуляют куры, а то так кое-где и коза привязанная пасётся. Утром тётя Шура постучит в окошко:

— Антон, молоко, яички возьмёшь? — И протянет в открытое крынку молока и пакет с десятком яиц куриных.

Через год Анюту назначили директором детского сада, а до того она работала в школе. Для посёлка с населением восемь тысяч человек садик был неплохой. Очень быстро вокруг неё образовались подружки, с которыми она готова была по вечерам гонять чай, точить лясы, а по выходным ездить на машине в лес по грибы и по ягоды. И как-то постепенно у неё проснулось желание обустроить свою квартирку, своё гнездо.

За бутылку наняв тракториста Лёшку, Анюта велела запахать весь участок, распланировав по весне поставить на нём два парника под домашние потребности. Антон, вспомнив своё базовое образование, с интересом принял участие в этом проекте, разработав свою собственную своеобразную конструкцию подогрева, применив новые инженерные решения, которые с минимальными затратами превращали парник почти в теплицу.

Иногда, раз в месяц она приглашала всю свою бабуью компанию к себе в гости — кто-нибудь приносил пироги, варенье. И тогда Антон уходил гулять по посёлку, у него друзей так и не образовалось.

Антон весь год посвятил поездкам по району: два дня в неделю разъездных, через день знакомство с документами и день на отчёт, как они стали это мероприятие называть с главой Тютюхиным. Во время отчёта, который всегда попадал на пятницу, Тютюхин позволял себе: доставал бутылку с коньяком, обычным, магазинным, армянским, и рюмку. Но что интересно — бутылка каждый раз у него была уже початая, и никогда он её не допивал, оставляя на доньшке. Предлагал он и Антону, но тот предпочитал обходиться кофе, который совершенно безобразно и непонятно из чего готовила секретарша главы администрации Лиза, по совместительству ещё и департамент культуры возглавлявшая, дородная сорокалетняя дама, очень похожая чем-то на Тютюхина — не родственница ли?

Иногда Александр Иванович предлагал какое-нибудь очередное благородное светское развлечение: то баню, то рыбалку, то охоту, но Антон отнекивался, ссылаясь на неблагородное своё происхождение. На что Александр Иванович каждый раз обещал его, в конце концов, облагородить.

В неразъездные дни Антон повадился ходить пешочком после обеда в местный клуб, в библиотеку. В посёлке была и ЦРБ, центральная районная библиотека, но в клубе было как-то уютнее. Работали в клубе методистками

две дамы, то ли старые девы, то ли вдовушки бездетные, Антон так и не понял, но то, что кавалеров у них не было, а дамы к этому делу и не стремились, было понятно.

Ему было и удивительно, и приятно видеть, как фанатично и бескорыстно преданы эти две библиотекарши своей работе. Постоянно они готовили помещения клуба к непрекращающимся и чередующимся юбилеям и праздникам: то к 90-летию со дня смерти Блока, то ко Дню физкультурника. В помещении читального зала и в коридоре второго этажа постоянно тихо звучала классическая симфоническая музыка — это на древнем советском проигрывателе “Симфония” с двумя стереоколонками, который непонятным образом тут сохранился, крутились допотопные виниловые пластинки тех же древних советских лет.

На небольшой сцене актового зала под аккордеон разучивали новые танцы девочки из хореографического кружка, в кабинетах мальчишки резали по дереву, по кости, мастерили какие-то модели. Жизнь продолжалась.

Все три летних месяца там, в читальном зале библиотеки, он пытался читать “Тихий Дон”, непонятным образом оказавшейся у него в руках, но ничего не получалось: он переворачивал страницу и не мог, даже сосредоточившись, вспомнить, о чём читал минуту назад. Он не мог сосредоточиться. Он думал о чём-то другом, но и о чём он думал, он тоже не мог вспомнить. Ему постоянно казалось, что что-то незначительное надо сделать, как будто тумблер переключить, и тогда вся его жизнь снова перевернётся, как уже это в его жизни случалось, и начнётся новая жизнь или откроется новая страница.

Каждый день теперь он возвращался с работы домой по пыльной, вроде как засыпающей улице, разглядывал вывески, дома, деревья, и казалось ему, что он сам спит, и всё, что ему видится, — это длинный и навязчивый сон, который вот-вот закончится. А скоро он, Антон, проснётся и продолжится уже другая жизнь, в которой жить хочется, которую он, хотя и не очень хорошо себе представлял, но к которой он себя готовил.

Это случилось уже осенью, в конце сентября.

Ночь стояла тёплая, окна открыты настежь, и всю ночь где-то далеко, на окраине посёлка, что-то гудело, — возможно, работал генератор. Антон всю ночь пролежал с открытыми глазами — сон не приходил! Когда предрассветные сумерки начали с улицы заползать в комнату и раздвигать домашнюю ночную мглу, Антон увидел, что Анюта, его Ню, тоже не спит, но при этом он совсем не удивился. Они лежали рядом, смотрели друг на друга, и это молчаливое и застывшее состояние длилось и длилось. Взгляд Анюты был чужой и отрешённый, а глаза сухие. В какой-то момент он почувствовал и услышал: нет, не звук, а физически ощутил он, как что-то лопнуло, какая-то нить, существенная, внутренняя оборвалась.

— Я тебя уже не люблю, Антон, — прошептала Анюта, но Антон почти не расслышал слов, а скорее по движению губ разобрал их.

Он хотел что-то ответить, но не получилось. А что отвечать, если он в этот момент уже знал, что он тоже больше не любит? И случилось это не постепенно, а внезапно и одновременно, и с Анютой, и с ним, и не когда-то давно, а сегодня ночью, и удивительно было это им обоим. Но и изменить что-то они были не в силах, потому что переход в новое состояние уже произошёл. Они так и лежали рядом, и смотрели друг на друга, но без сожаления, а скорее с удивлением, не понимая, как такое могло случиться.

Он сел на краешек кровати, потом встал, включил чайник, положил ложку растворимого кофе в свою любимую корнелиовскую чашку, ту самую, с детскими головками, и стал одеваться. Чайник вскипел, но пить кофе уже перехотелось — он выпил холодной воды из-под крана: вода у них, здесь была очень вкусная, из артезианской скважины. “Вот руки дойдут — начну её бутилировать и продавать!” — говорил Тютюхин.

Антон окинул взглядом комнату, зацепился за три пачки любимых книг, привезённых год назад из города и стоящих под окном, — он их так и не развязал, а планировал стеллаж сделать. Всё сразу стало чужим — и даже эти книги.

Улица перед ним распахнулась холодная и пустынная, хотя солнышко осеннее и скупое уже поднялось. Клёны стояли красные, берёзы — золотые, а липы — разноцветные, но всё равно всё сонное и пыльное: и трава, и деревья, и дома. Он шёл по улице и впервые с любопытством читал вывески — жил год, ходил мимо каждый день и ни разу не поинтересовался, а что же тут располагается, в этих разномастных домах. Вывески были и странные, и загадочные: “Секонд-хенд прямо из Англии”, а на соседнем строении из красного кирпича, — амбар, наверное, бывший, девятнадцатого века без окон, но с металлической кованой дверью и висячим огромным замком, — красовалась ярко расписанная фанерка “Инструменты”.

Антон прошёл через пустынную площадь с несуразным зданием автовокзала, больше похожим на длинный сарай. Посмотрел расписание. Первый автобус отходил в семь, а было только шесть. Автобус уже стоял, но без водителя — ушёл, поди, к подружке своей утреннего чайку попить. Антон прошагал дальше по центральной улице в сторону трассы. Через какое-то время он обратил внимание на то, что про себя мурлычет в полголоса старый советский марш авиаторов: “Всё выше, всё выше и выше!” — и сам засмутился.

“Вот кто-то со стороны увидит меня поющего и решит, что я идиот”, — подумалось. Хотя сам он ни разу не видел идиота, идущего по улице и поющего марш. Хотя... В посёлке он видел одного идиота, так тот сидел на скамейке и не пел, а ковырял в носу, и идиот ли он — тоже не поймёшь сразу. Мало ли, что соседи наговорят.

Собственно, если идти в таком темпе, не торопясь, то до города придёт-ся идти три дня. Он взял себя в руки и вернулся на автостанцию. В салоне автобуса, отправившегося в город, Антон сидел один.